

УДК 811.112.22:81'27

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-66-76

СЕГМЕНТАЦИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СРЕДОВОГО ПОДХОДА

Ю. В. Кобенко¹, О. В. Солодовникова²

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

² Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск

Введение. Практика сегментации словарных составов традиционно отталкивается либо от определенного (ситуативного) набора критериев для данной процедуры, либо от более крупного методологического основания, к примеру, аппарата отдельной лингвистической дисциплины, которой зачастую по умолчанию выступает лексикология как наука о лексическом строе языка. Будучи ограниченной объектом наблюдения, лексикология вряд ли способна самостоятельно решить поставленный вопрос для всей лингвистической науки или, по крайней мере, для такой макронаучной дисциплины, как стилистика, остро нуждающейся в надежной критериальной базе, несмотря на их различную функциональную специализацию: стилистика изучает выразительную, лексикология – назывную функции языка.

Цель статьи – предложить сегментацию словарного фонда немецкого литературного языка сквозь призму средового подхода.

Методология и методы. Имплементация эпистемологической (рационально-эмпирической) рамки средового подхода, значительно превосходящей не только границы науки о языке, но и гуманитарное знание в целом, задана спецификой бытия и развития самого языка как антропологического феномена (признака *loquens*), ошибочно приписываемого постструктуралистами исключительно человеку. В основе средового подхода лежит тезис о средовом происхождении человеческого языка и невозможности его существования за пределами гердеровской среды. Язык существует в «питательном растворе» культуры и выступает в качестве связующего элемента социального взаимодействия всех индивидов, населяющих данный искусственный мир. Средовый подход представляет собой ёмкую эпистемологическую платформу, которая используется для учета различных функциональных разновидностей языка, служащих основой для его словарной сегментации.

Основные результаты. Разработаны следующие критерии для более взвешенной и общеязыковой сегментации словарного фонда на примере немецкого литературного языка: а) селективность; б) естественность; в) воспроизводимость; г) темпоральность; д) возраст. Лексическая система немецкого языка взята за образец неслучайно: гибридный характер данного языкового идиома и коррелирующая с этим высокая неоднородность (гибридность) его ресурсов являются выгодным диалектическим полем наблюдения за явлением функционального расслоения лексической системы. Аппарат средового подхода образуют обширные междисциплинарные данные, ставшие ходовыми клише в научном обиходе и помогающие получить междисциплинарно значимую и объективную сегментацию словарного фонда немецкого литературного языка. Научная новизна определяется имплементацией принципиально нового набора критериев для выделения составляющих словарной системы указанного языка на основе укрупненного эпистемологического основания анализа.

Заключение. Предлагаемая сегментация призвана расширить границы аппарата лексикологии немецкого языка, представления о гетерогенности его лексической системы и ее эволюционных закономерностях. Полученные данные могут быть использованы в качестве материала для теоретических курсов лексикологии и стилистики при подготовке специалистов в области германского языкознания на всех образовательных ступенях.

Ключевые слова: немецкий литературный язык, словарный состав, сегментация, неоднородность, среды, средовый подход.

Введение

Составному термину «словарный запас населения Северного полушария планеты Земля», безо всяких сомнений, надлежало бы стать гиперонимом в понятийно-терминологическом аппарате лексикологии ввиду более плотной колонизации Северного полушария, если бы, конечно, на Земле существовал один общий язык. Выражения «открыть купальный сезон», «ранняя осень» и «деми-сезонное пальто», которые являются элементами вокабуляра людей, населяющих Северное полушарие Земли, тем не менее доказывают, что верхний

предел теоретически обоснованной попытки сегментации словарного состава любого современного литературного языка может выходить далеко за рамки отдельного идиома и, по крайней мере, с ономаσιологической точки зрения, за границы собственной «вотчины» языка – его коммуникативной среды. С точки же зрения социолингвистики, такая ситуация является обычной практикой: языковой континуум в пределах отдельно взятых национальных границ редко обслуживается одним-единственным идиомом. При анализе языковых ситуаций в условиях территориально очерченной констелля-

ции языковых форм – компонентов языковой ситуации – лингвосоциологи часто обнаруживают, что границы любых двух контактирующих языков предельно подвижны: где заканчивается один, а начинается другой, определить весьма затруднительно [1, с. 116]. Тем не менее алломорфизм как «полифункциональность формы языковых знаков» [2, с. 50], встречающийся главным образом на периферии словарных составов (с преобладающей тенденцией к терминологизации), свидетельствует о том, что все экстралингвистически наблюдаемые границы уже существуют внутри языка как своеобразные словарные отражения тех языковых ситуаций, в парадигме которых развивается тот или иной языковой идиом.

Современный немецкий литературный язык характеризуется значительной ресурсной неоднородностью – признаком, который он приобрел благодаря многочисленным волнам заимствования и который дает повод Х. Х. Мунске обозначать его «смешанным языком» [3, с. 46–47]. Степень неоднородности литературных языков зависит исключительно от их лояльности к языкам-донорам, т. е. фактически импортированным металектам в составе определенных языковых ситуаций в канве его исторического развития. Гетерогенные сегменты словарного фонда немецкого литературного языка, которые обычно являются заимствованными адстратами в общем словарном составе, могут рассматриваться как самостоятельные словарные сегменты, независимо от их объема и стратификации. Греческий, латинский, французский, английский и другие адстраты входят в так называемый заимствованный состав (нем. *Lehnwortgut*) и, несмотря на их строгую историко-иерархическую стратификацию в немецкой лексической системе (французский адстрат выступает надстройкой латинского, латинский – греческого и т. д.), образуют отдельные и/или частные тезаурусы с соответствующими языковыми регистрами, ср. лексические единицы *à la carte* vs. *business as usual* в современном немецком языке. Такие синхронно сосуществующие языковые подсистемы следует отделять друг от друга как генетически (этимологически), так и ономаσιологически, поскольку заимствованные словарные страты обычно обслуживают различные ономаσιологические сегменты, также известные как «предметные группы» и «лексико-семантические поля». Тем не менее этот вывод никоим образом не дает права считать, что происхождение языковых средств или их тематическое расщепление должно выступать главным критерием сегментации словарной системы немецкого литературного языка. Проистекающая отсюда проблема выбора критериев приводит к необходимости определения подхода, который позволил бы постро-

ить теоретически валидную и практически аппликативную типологию сегментов словарного состава указанного языкового идиома.

Укрупнение объекта наблюдения в рамках постструктуралистской исследовательской парадигмы, наблюдаемое с середины XX в., скорее отрицательно сказалось на подготовке такого подхода. Практикуемое повсеместно умозрительное и скороспелое отнесение на счет мышления происхождения и бытия языка хотя и способствовало незначительному расширению лингвистических горизонтов, однако полностью лишило субстанции расхожие утверждения об интракорпоральном и «ментальном» детерминизме лингво- и глоттогенеза. Так, в каждом втором исследовании в современной России выводы объявляются голословно «когнитивными» или «дискурсивными» по умолчанию, как будто в истории науки никто никогда не разоблачал идеализм вкупе с софизмом: главным постулатом логики является первичность языка по отношению к мышлению [4, с. 7–8]. Возникает вопрос: что изучают когнитивисты, если мышление в его рассудочных формах является производной языка? Единственный допустимый ответ: тень, отбрасываемую объектом, а не сам объект.

Под когнитивностью в строгой нейрофизиологической традиции понимается «научение вкупе с мышлением» [5, с. 16]. По отношению к языковым системам мышление является всегда вторичным продуктом: язык, приходящий в голову человека извне [6, с. 98], влияет на мышление, а не наоборот, в силу того, что рассудочные центры неокортекста закладываются у человека вплоть до 12 лет. До указанного возраста подростки обнаруживают исключительно имитационно-адаптивные образцы поведения, при этом уже достаточно неплохо владея языком [7, с. 73]. Немцы и русские получают такими в первую очередь благодаря языку, на основе которого формируется национально-специфическое мышление, а не наоборот, как вытекает из бесчисленных работ с выводами «когнитивного» толка. Расхожее, единодушное и навязчивое убеждение постструктуралистов-когнитологов, что когнитивность якобы выступает порождающей платформой для языка и его конститuentов, не находит подтверждения в трудах нейрофизиологов и палеоневрологов. Доказательность выводов практически каждого второго исследования в области языка и смежных наук (в том числе педагогики) либо отсутствует вообще, либо заменяется остенсивными практиками переименования результата X в результат Y. В каких бы областях лингвистики ни выполнялись исследования – по грамматике, истории языка, функциональной стилистике, – результаты сегодня неизменно носят атрибут «когнитивных», даже если касаются правил организации речи, т. е. банальной грамматики.

Похожее наблюдается и с выводами «дискурсивного» толка, практически подменяющими (и поэтому нарушающими первый закон логики – закон тождества) устоявшиеся, более диверсифицированные и верифицированные термины «стилистический», «коммуникативный», «речевой», «речеповеденческий» («прагматический»), очевидно, по простой причине неизвестности их значений. Факт того, что язык нельзя «погрузить в среду», не очевиден лишь сторонникам ламаркизма и креационизма – софистских направлений, давно признанных мировой научной общественностью лженаучными. Язык – симптом среды, результат коэволюции человека и его окружения (экзосоматики, эпигенетики), поэтому главной задачей нового подхода видится обоснование экстралингвистического, а не когнитивного, ментального и пр. детерминизма языка.

Дабы уберечь лексикологию от «когнитивных оснований», следует вспомнить составляющие пастеровской (интернациональной) науки. Наука, как известно, состоит из трех компонентов, немислимых друг без друга: аппарата, проскопии и верификации. Аппарат является сводом правил, приемов и методов, образующих подходы к поставленным задачам; проскопия – это возможность предвидеть предполагаемые результаты исследований через реализацию аппарата; верификация позволяет признать данные научными с разных углов наблюдения и в любых числовых зависимостях (если увеличить исходные условия на 2, будут ли результаты тоже увеличиваться вдвое?). Все это отделяет умозрение от науки так же, как и конгломераты (примеси) постструктурализма от положений классического системно-структурного языкознания, ведь язык – это системно-структурное [8], а не когнитивное образование.

Тем не менее почти полувековое господство постструктурализма в языкознании оказалось впоследствии катализирующим фактором для репопуляризации средовой теории Э. Сепира [9, с. 273], синтезирующей передовую научную информацию в областях биоэкологии, антропологии, нейробиологии, кибернетики, культурологии и т. д. для лингвистических нужд. На основе данных различных смежных дисциплин разработан средовой подход, который сегодня в значительной степени реализуется в междисциплинарном поле, обладает обширным методологическим инструментарием и критериальной базой и выступает надежной платформой, в частности, для теоретически фундированной сегментации словарных систем литературных языков [10]. Центральным постулатом средового подхода является хиазм «без языка нет социума, без социума нет языка», функционирующий в качестве защитного клапана от постструктуралистского идеализма.

Материал и методы

Материальной базой настоящей статьи послужил корпус количественных данных, полученных статистическим методом из лемматических корпусов ведущих толковых (одноречных) и переводных (двуречных) справочников немецкого литературного языка, изданных за период 1900–2015 гг. в количестве 17 единиц (изданий), на основании предложенных редакциями этимологических и стилистических помет и из электронной картотеки DWDS (*Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart*) Берлинско-Бранденбургской академии наук (*Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften*).

Методологическим основанием работы выступает средовой подход, использование которого показано там, где необходимо отталкиваться *от социального опыта говорящего индивида или коллектива* для абстрактного моделирования сложных процессов внутри той анизотропной среды, в которой существует сам язык, т. е. в широчайшем диапазоне лингвистических дисциплин от лексической семантики до смежных областей исследований экстралингвистического характера на стыке социальной, контактной, ареальной, экологической и политической лингвистики [10, с. 39].

В работе реализуются следующие общие- и частнонаучные методы:

а) методы логики: *анализ* (выделение тематического или этимологического признака у общности единиц в составе немецкого литературного языка); *синтез* (объединение указанных единиц в тематически или этимологически родственные сегменты); *индукция* (установление связи между единицами заимствованных пластов с тенденциями развития немецкого литературного языка); *дедукция* (конкретизация тематических, этимологических, темпоральных и прочих сегментов в отдельных лексических единицах); *сравнение* (установление сходства или различий лексических единиц внутри адстратов); *обобщение* (нахождение общих свойств и признаков лексических единиц в системе немецкого литературного языка); *аналогия* (перенесение свойств одной лексической единицы на другую на различных логических (смежных) основаниях); *моделирование* (построение идеальных моделей исторических вех эволюции системы немецкого литературного языка);

б) методы статистики: *количественные методы* (использование числовых данных и стандартизированных методов обработки корпуса материала; оперирование усредненными показателями для определения количества использованных источников материала); *диалектический метод* (рассмотрение изменения системы немецкого литературного языка в развитии, взаимосвязи и причинной

обусловленности); *метод группировки* (структурное, типологическое и аналитическое (факторное) разделение материала исследования по существенным признакам);

в) *сравнительно-исторический метод* с приемами *внешней реконструкции* (обнаружение генетически родственного морфемного материала иноязычного происхождения в системе немецкого литературного языка и выявление в нем общих закономерностей языка-донора/языков-доноров), *внутренней реконструкции* (обнаружение этимологически неоднородных единиц в системе указанного языка), *извлечения информации* (стратификация и группировка заимствованных адстратов);

г) методы структурной лингвистики: *метод компонентного анализа* (исследование системных свойств лексических единиц); *оппозитивный метод* (выделение парадигматических рядов); *формально-грамматический метод* (описание структуры лексико-семантических полей); *традиционно-комплексный метод* (классификация и типология заимствованных адстратов); *метод дистрибутивного анализа* (изучение синтаксической сочетаемости лексических единиц сегментов словарного состава немецкого литературного языка).

Результаты исследования и обсуждение

Все исследовательские подходы имеют агрегативную зависимость, т. е. каждый последующий подчиняется одному или нескольким более крупным подходам. Иерархию эпистемологических рамок венчает так называемый эволюционизм как совокупность теоретических и методологических оснований теории эволюции, которые используются для интерпретации, оценки и систематизации данных научных исследований, особенно в цикле естественно-научных дисциплин. Средовый подход понимается как субординативная величина по отношению к эволюционизму и зиждется на познании того, что человеческий язык во всем своем многообразии никогда не существует вне человеческой среды и, в сущности, ею же и ограничен.

Основоположником средового подхода является веймарский культурфилософ Й. Г. Гердер, который в своей четырехтомной работе *«Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit»* (1782–1788) интерпретировал культуру как «питательную среду» для языка и других средовых явлений: «Человек как ущербное существо (*homo inermis*) не может выжить в естественной среде, поэтому он создал себе вторую природу – искусственный, адаптированный мир, который полностью отвечает его органическим потребностям; и человек изменяет природу повсюду, куда ни бросить взгляд: он живет, так сказать, в своем собственном, искусственном, «обеззараженном», удобном и подстроеном

исключительно под его нужды мире, который и является культурной средой» [11, с. 46–47].

Средовый подход отнюдь не исчерпывается вопросами происхождения и развития языка. Скорее, это контекст рассуждений о гердеровском «искусственном» мире, т. е. о человеческой культуре, основной задачей которой выступает так называемый трансгуманизм, т. е. создание благоприятных условий отбора путем преодоления негативных аспектов бытия [12, с. 57]. **Искусственный отбор** значительно ускорил эволюционные изменения в мозгу гоминид, потому что условием успешного выживания в больших группах первобытных особей было поддержание социальных отношений, в основе которого лежали активный обмен продуктами питания, снижение внутривидовой агрессии, коллективная охота и защита общих биологических интересов [13, с. 29]. **Для этой цели все формы надорганизменной биологической системы (вида) разрабатывают средство общения, пригодное для взаимодействия всех особей той же организменной формы, – язык.**

Язык – симптом любой среды, ее наиболее важный ингредиент, который обеспечивает коммуникацию (от лат. *commune* – общество) всех вовлеченных в задачи выживания биологических индивидов. Следовательно, интегративная (связующая) понимается как важнейшая функция языка [14, с. 22–23], которую часто выдают за коммуникативную. Данный вывод опровергает представление о «ментальном» происхождении и развитии языковых систем, который массово тиражируется постструктуралистами, и ставит во главу угла экстралингвистический детерминизм в вопросах происхождения и эволюции языка. Диапазон имплементации средового подхода простирается от так называемого грамматического «ядра» языка с его функциональными парадигмами (интралингвистики) [15, с. 88] до смежных областей экстралингвистической специализации: языковых контактов, языковой политики, культуры речи и т. д.

Если термин «окружающая среда» в начале прошлого века толковался Э. Сепиром еще несколько натуралистически, с формулировкой «физическая среда» [9, с. 227], то в конце XX в. он приобрел должную эксемию и стал трактоваться как совокупность «биотических (живых), абиотических и антропогенных условий жизни индивида, популяции или вида» [16, с. 40]. **Сегодня этот термин абсолютно идентичен термину «культура» в его гердеровской, т. е. философско-антропологической интерпретации.**

В работах теоретиков-эволюционистов культура часто противопоставляется биологии, ср. дихотомию Р. Докинза «биологический/генетический (соматический) vs. культурный/меметический (эк-

зосоматический)» [17, с. 16]. Основой для такого сопоставления служит дуализм человеческой природы, обусловленный эволюционно приобретенной бинарной системой поведенческого контроля в результате перехода от естественного к искусственному отбору: инстинктивно-гормональный способ анализа событий человеком сосуществует сегодня с рассудочным (нейробиологическим). Первая подсистема основана на функции лимбического комплекса (висцерального мозга), вторая – на функции неокортекса (нем. *Neurinde*). Сосуществование двух центров и, соответственно, двух методов анализа окружающего мира связано с возникновением конфликтов и противоречий в поведении человека: социально-биологический блок врожденных (животных) инстинктов основывается на скрытой реализации инстинктивно-гормонального поведения; рассудочный же набор поведенческих установок создан на основе приобретенных социальных инстинктов [18, с. 72]. Переход от естественного к искусственному отбору, который начался около 2,5 миллиона лет назад в эпоху плейстоцена, можно рассматривать как отправную точку для развития гердеровской среды, наиболее важные признаки которой включают денатурацию, социализацию и деанимализацию.

В окружающей среде антиномия «биологический vs. культурный» и соответствующие модели поведения приобретают все более выраженный контраст: стремительно развивающаяся и социализирующаяся в обратном от анимализма направлении человеческая популяция создала на этой основе целую систему бинарных противопоставлений, ср.: «биология (физиология) vs. культура (психология)», «биологический индивид vs. личность», «инстинкт vs. разум», «ген vs. мем» и т. п. Примечательно, что иерархическая корреляция возникающих антиномий, обусловленных эволюцией вида *homo*, значительно уступает их оппозиционной (линейно-контрарной) интерпретации в повседневной и научной практике. Дуализм можно проследить вплоть до выражений «физическое vs. духовное», «тело vs. душа», соотносимых с соответствующими эволюционными ипостасями человека. В этом контексте нельзя оставить без внимания бытующие в немецком литературном языке выражения: «*Wer (Wes Geistes) bist du?*» и «*Was bist du (von Beruf)?*», где «кто (чьего роду-племени)» означает биологическое, а «что» – средовое.

Таким образом, культура как совокупность трансгуманистического опыта человека способствовала превращению биологического индивида (*homo sapiens*) в личность как единицу гердеровской среды (*homo ludens*). *Homo ludens* – это квинт-эссенция экзосоматического (культурного) опыта человека, его ролевого репертуара в окружающей

среде, который помогает ему выживать в ролевом театре средовых событий. Как и язык, личность неприменима за пределами среды обитания человека. Феномен так называемых детей-маугли (феральных детей), известных так же, как *homo ferus*, недвусмысленно доказывает, что ни язык, ни внутрипопуляционные игры в гостинной не гарантируют выживание одного и того же биологического индивида в дикой природе. Личность является культурным идентификатором (паролем) биологического индивида в гердеровской среде обитания: человек стремится персонифицировать все объекты и предметы в своем искусственном мире, снабжая их специальными ярлыками – именами, прозвищами, определениями, чтобы «оживить» их и тем самым лучше понять. Этиология личности носит небиологический, т. е. искусственный характер.

К бинарной системе поведенческого контроля восходит дуальный механизм геномного (генетического) vs. **внегеномного (культурного) наследования** поведения. Геномная информация воспроизводится путем репродукции, а культурная (внегеномная) информация реплицируется в гердеровской среде посредством социальных контактов и средств массовой информации. Язык как важнейшая составляющая и своего рода «цемент культуры» распространяется в ней так же посредством репликации.

Репликация информации является функцией зеркальных нейронов человеческого мозга. Воспроизводя информационные ингредиенты среды, человек отождествляет себя с их содержанием и становится частью искусственного гердеровского мира. Этот механизм интеграции биологического индивида в культуру называется синхронизацией и в то же время отвечает на главный вопрос хомскианства: как человек может создавать бесконечное количество грамматически правильных предложений? Механизм репликации положен в основу всех электронных социальных сетей, в которых сообщения (посты) передаются от одного пользователя всей группе контактов и так далее.

Воспроизведение реплицированной информации человеческим коллективом приводит к агрегации (укрупнению) опыта окружающей среды в соответствии с принципом рекурсии, напоминающим бесконечную матрицу подчиненных положений, сконструированных по схеме гипотаксиса английской народной поэмы «Дом, который построил Джек». Калейдоскопическое усложнение экзосоматической природы человека находит отражение в словарном строе каждого из приблизительно 7 000 живых языков, существующих сегодня на нашей планете. Совокупный потенциал лексического инвентаря звучащих языковых идиом является живым свидетельством сложности системы

человеческих взаимоотношений в окружающей среде, которая доподлинно отражается человеческим языком.

Среда оказывает два вида влияния на населяющих ее индивидов: 1) непосредственное (недифференцированное), результатом которого будет формирование языкового сообщества (говорящего коллектива), и 2) опосредованное (дифференцированное), направленное на развитие языкового индивида. Непосредственное влияние – это стихийный педагогический процесс, в котором участвуют все окружающие люди, в то время как опосредованное воздействие предполагает пестование талантов. Словарный запас среднего представителя речевого сообщества обладает признаками социолекта (результат коллекции), а словарный запас речевого индивида – признаками идиолекта (результат селекции). Индивидуальное выступает своего рода надстройкой коллектива, его индивидуально значимого продолжения, демонстрируя, таким образом, престиж личности в человеческой среде [19, с. 194].

Информационные компоненты среды (в том числе лингвистические) подразделяются в зависимости от их воздействия на коллективное и индивидуальное. Коллективные наличествуют у всех обитателей гердеровской среды и обеспечивают их выживание в ней. Индивидуальные выступают своего рода «штучным товаром» и тщательно отбираются языковыми индивидуумами исключительно для решения экзосоматических (небиологических, творческих) задач. Невозможно полностью выучить язык, можно лишь усвоить некий прожиточный минимум: одним будет достаточно лингвистического репертуара Элочки-людоедки из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» в 30 слов-междометий, другим будет недостаточно и словарного запаса Й. В. фон Гете из 90 000 слов. В первом случае предполагается, что язык использует человека в качестве переносчика средовой информации, во втором случае человек сам выбирает соответствующий контент для дальнейшей репликации.

Язык реплицируется в среде двумя способами: 1) звуковым (путем генерации и декодирования акустической волны, т. е. через звуковой канал) и 2) письменным способом (через визуальный канал посредством использования норм и правил письменной речи). Язык и вирус имеют гомологичную природу: они оба приходят извне, живут в организме носителя и надолго изменяют его поведение [17, 20]. В окружающей среде они воспроизводятся через каналы социальных контактов носителей. Язык – это привычка говорить, речь – это симптом зараженности окружающей средой. Идеальные языковые вирусы являются продуктами рекламы и (религиозной, политической и др.) пропаганды: попав в голову носителя, они остаются там в течение дли-

тельного времени и оказывают непосредственное влияние на их социальное и речевое поведение. Отсюда становится понятным ставший афоризмом тезис прагматики: речь – поведение, слово – поступок.

Язык приходит в голову младенца через звучащую речь в крайне фрагментированной форме. И только с помощью правил грамматики (логики языка) ребенок по мере взросления эвристически складывает отдельные фрагменты в сложную мозаику языковой системы, а точнее, его собственного прожиточного минимума, так как невозможно знать все правила грамматики и владеть всеми лексическими и стилистическими средствами языка прижизненно. Корректирующим фактором здесь выступает узус, который позволяет синхронизировать индивидуальную мозаику с правилами коллективной речи. И только окружение ребенка определяет, каким будет его словарный запас, которым он будет пользоваться в будущем.

Традиционная сегментация словарного состава немецкого литературного языка основывается на данных ряда лингвистических дисциплин и предполагает многоуровневую неоднородность его словарного состава, который обычно классифицируется с социолингвистических и функциональных позиций [21, с. 176]. Типичными критериями для такой дифференциации выступают:

– *происхождение*, согласно которому словарный строй немецкого литературного языка можно разделить на исконный, адаптивный и иностранный (неассимилированный) сегменты [3, с. 46], используя, таким образом, для деления категориальную пару лексикологии «центр vs. периферия» [22, с. 11]: исконный сегмент (нем. *Erbwortgut*) обычно располагается по центру, а иностранный (нем. *Fremdwortgut*) выталкивается на периферию;

– *семантическая аттракция* (ономасиологическая принадлежность): предметные группы (лексико-семантические поля), подлежащие различению в соответствии с данным критерием, могут во многом повторять генетическую сегментацию словарного фонда, например, темы «этническая принадлежность», «семья», «пол», «национальность/нация», «культура/традиции» относятся традиционно к исконному сегменту, в то время как преимущественно заимствованные поля «компьютер» и «Интернет» в большей степени тяготеют к периферии языковой системы. Дialectы российских немцев Сибири и Казахстана, к примеру, обладают дополнительными ономасиологическими структурами «Реформация», «война» и «депортация»;

– *употребительность* (общезыковой фонд vs. социолекты/специальные языки (нем. *Fachsprachen*));

– *территориальность* (диалекты, регионалекты, койне, национальные варианты литературного языка);

– участие в производстве речи (активная и пассивная лексика).

Функционально-стилистическое расслоение лексической системы (скорее, ее функционального репертуара) в дополнение к его классическому разделению на пять стилей, которые М. П. Брандес интерпретирует как программы речевых произведений [23, с. 159], а также на функционально-стилистически недифференцированном и дифференцированные составы (неологизмы, архаизмы, анахронизмы и т. п.) включает подкритерий «социальной и профессиональной принадлежности» (молодежный жаргон, арго, язык охотников и т. д.). С точки зрения биологического диморфизма (гендерной специфики) **homo** **возможной опцией** представляется разделение словарного состава на женский и мужской репертуары. Безусловно, такое деление будет во многом функционально детерминировано, однако было бы нецелесообразным пренебрегать таким критерием в силу действия выраженной тенденции к феминизации лексических средств современного немецкого языка, ср. *Frauschafft* вместо *Mannschaft*, *Menschin* вместо *Mensch* и т. п.

Сегментация словарного состава немецкого литературного языка тесно связана с лексикографическим охватом синхронного рецептурного фонда, который (охват), в свою очередь, значительно зависит от критериев выделения и фиксации слов. В. Кляйн утверждает, что общий словарный фонд современного немецкого языка многократно превышает лексическое наполнение большинства ведущих словарных изданий [24, с. 19].

Традиционная практика дифференциации словарного состава недвусмысленно доказывает, что определенная попытка сегментации прямо пропорциональна подходу или инструментарию отдельной языковедческой дисциплины. Из этого можно сделать вывод, что для исчерпывающего сегментирования должен применяться подход наибольшего порядка.

Рассмотрим сегменты словарного состава немецкого литературного языка, выделяемые при помощи средового подхода.

Язык – это всегда результат воздействия той среды, в которой человек родился и вырос. Это влияние настолько судьбоносно, что некоторые успешные авторы даже дают советы, как избежать влияния окружающей среды [25, с. 18]. Средовой детерминизм языка, вытекающий из его основной функции в среде обитания человека, признает за функциональностью лексических средств ведущую роль в вопросах сегментации словарного фонда. Языковая же система, которая обычно находится в центре внимания лексиколога, является ничем иным, как виртуальным продуктом, который никто никогда не видел и исчерпывающе не опи-

сывал. Это полностью разрешает прежнюю дилемму, считать ли определенные речевые слои, как арго мелких мошенников, системными или функциональными образованиями. Система, по В. М. Савицкому, представляет собой сумму всех элементов и их связей [26, с. 43], причем их синхронная структура является лишь результатом их функциональной организации, следовательно, неоднородность словарного состава накладывается целиком на функциональную схему языка.

Из основной функции языка в гердеровской среде, вне которой язык обесмыслен, можно экстраполировать пять критериев сегментации словарного состава немецкого литературного языка:

- 1) селективность;
- 2) естественность;
- 3) воспроизводимость;
- 4) темпоральность;
- 5) возраст.

1. Согласно критерию селективности, словарный состав указанного языка можно разделить, как уже отмечалось ранее, на коллективные и индивидуальные страты. Данные составы являются крайними точками одной шкалы, имеют многочисленные промежуточные формы и в конечном итоге различаются по строгости отбора: в социолекте селективность стремится к нулю, в идиолекте, однако, она достаточно высока. Доказательством обоснованности такой возможности сегментации древнейшее является познание о бинарном характере языка в обществе. А. А. Глухов постулирует, что с точки зрения классической философии человек определяется как существо, обладающее двумя основными языковыми способностями: общением на своем языке и на общем языке [27, с. 143]. Соотносимые с ними два типа словарных составов существуют в языковом коллективе параллельно друг другу как выражения различной степени и различного (профессионального, социального, территориального и т. д.) способа интеграции биологических индивидов в искусственный мир человеческой культуры.

2. С более глубоким пониманием законов природы формировалась разновидность языка, которая все сильнее отличалась от естественного языка – метаязык науки как средство общения человека с природой. Это отличие наиболее явно прослеживается в формальной логике, которая различает три семиотических уровня естественного языка (семантический, синтаксический и прагматический) и только два первых языка логики [28, с. 48]. Метаязык лишен какой-либо субъективности и мистики («духа языка» по А. Шопенгауэру), которые присущи естественному языку, однако его словарный запас неограниченно используется, к примеру, для подготовки рукописей диссертаций.

В словарном составе немецкого литературного языка нет четкого разграничения между естественными и логическими средствами языка; искусственные слои отличаются от природных структур своим прикладным характером и обычно сосредоточены на периферии словарного фонда.

3. С точки зрения воспроизводимости, словарный строй немецкого литературного языка распадается на реконструируемый и нереконструируемый составы. К первому относятся слова и выражения, которые каждый раз строятся в речи заново при помощи грамматических правил, ср.: *Lauf, laufen, Läufer, laufend, lief, gelaufen*, в то время как второй состоит из средств, которые заучиваются в их звуковых комплексах, хранятся в памяти и воспроизводятся в речи как магнитофонные записи. Нереконструируемый фонд немецкого литературного языка включает в себя не только традиционно выделяемые фразеологические обороты и идиомы, но также и все типы паремий (поговорки, пословицы, побасенки и их разновидности: цитаты, крылатые слова, афоризмы, приметы и т. д.), мемы (*man kann nicht einfach...*), эрративы (пародированные паремии, антипословицы) (*was lange gärt, wird endlich Wut*), реалионимы (*Persilschein*), сложные междометия (*Donner und Doria!*) и устойчивые сравнения (компаративные фразеологизмы) (*grinsen wie ein Honigkuchenpferd*). Сообразно с выделяемыми в нем наиболее крупными сегментами нереконструируемый фонд обозначается также фразеопаремииологическим и пронизывает все функционально-стилистические слои функционального репертуара немецкого литературного языка.

4. Не только люди достигли симбиоза с речевым вирусом [6, с. 47], но и язык слился со своей эпохой в историолект. Так, историю немецкого литературного языка можно представить в виде последовательности различных историко-языковых формаций (периодов), которые в то же время выступают волнами заимствования в его исторической канве развития. Применяя темпоральный критерий, в словарном составе немецкого литературного языка можно выделить период романизации с эпохами золотого и серебряного латынизма, галлиазацию (с ее четырьмя волнами), англицизацию/американизацию, славизацию/русификацию и т. п. [29, с. 17]. Язык более ранней эпохи явственно отличается от любого последующего (как язык периода *Alamodezeit* от компьютерного жаргона) и бытует в общем словарном составе главным образом в форме страты с устаревшими и частично сохранившимися историзмами, анахронизмами и вышедшими из обихода иностранными словами.

5. При рождении в мозге человека происходит так называемая пролиферация нейробластов (незрелых нейронов). К 30 годам эмоциональность и

быстрота речи достигают кульминации после полного созревания нейрональных структур мозга. С 50 лет нервные клетки в мозге ускоренно стареют и в итоге отмирают в количестве до 3 граммов в год [13, с. 24]. В результате язык становится медленным, однозначным, ригидным, поскольку доминирует рассудочный (неокортикальный) анализ событий. Это происходит из-за массового разрушения синапсов (нейронных связей), угасания репродуктивной функции и соответствующих мыслительных структур. Между языком молодежи и языком пожилых людей, как правило, пролегает целая общая синхрония в 50 лет, которая по канонам структурализма созвучна полноценному языковому сдвигу. Тот факт, что человек растет с одним языком, а умирает с другим, сегодня не требует дополнительных доказательств. В результате разные словарные сегменты можно выделить даже для одного и того же человека разных возрастов, при этом язык молодежи (*Schlaffi, kultig*) скорее является индикацией того, на что способен растущий молодой мозг.

Заключение

Немецкий литературный язык – самобытное отражение реального мира, отражение культурно-исторического, социально-территориального, коллективно-бессознательного – атрибуты, позволяющие признать его словарную систему высококонечной.

Практика ее сегментации должна проходить исключительно по межам функционального расслоения, а для этого необходимы надежные эмпирические основания естественно-научной отнесенности, соответствующей условиям происхождения, существования и развития живого языка. Как отмечалось ранее, частнолингвистические аспекты недостаточны для полноценной и полновесной процедуры словарной сегментации [30, с. 133], как порой и недостаточны целые отрасли знаний [31, с. 149] для исчерпывающего анализа всех приводящих факторов.

Предложенная критериальная сетка сегментации словарного состава немецкого литературного языка обязана своим выраженным междисциплинарным характером средовому подходу, чьи обширные эпистемологические рамки позволяют проводить исчерпывающую дифференциацию словарного фонда независимо от формы языка (язык-макропосредник, литературный язык, диалект, страта и т. д.). Поскольку язык никогда не существует вне «питательного раствора» культуры и служит средством связи для всех индивидов определенной популяции, средовой подход как нельзя лучше подходит для описания всех синкретических форм языка и соответствующих функциональных репертуаров.

Список литературы

1. Виноградов В. А., Коваль А. И., Пархомовский В. Я. Социолингвистическая типология. 4-е изд. М.: URSS, 2014. 136 с.
2. Nübling D. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen: Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels. 3. überarb. Aufl. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2010. 291 s.
3. Munske H. H. Ist das Deutsche eine Mischsprache? Zur Stellung der Fremdwörter im deutschen Sprachsystem // Munske H.H. u. a. (Hg.). Deutscher Wortschatz. Lexikologische Studien. Festschrift L. E. Schmitt. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1988. S. 46–74.
4. Виноградов С. Н., Кузьмин А. Ф. Логика: учебник для средней школы. 8-е изд. М.: Учпедгиз, 1954. 176 с.
5. Falk D. Hominid paleoneurology // Annual Review of Anthropology. Vol. 16. 1987. P. 13–30.
6. Burroughs W. S. The Adding Machine: Selected Essays. N. Y.: Arcade Publishing, 1993. 216 p.
7. Савельев С. В. Морфология сознания: в 2 т. М.: ВЕДИ, 2018. Т. 1. 208 с.
8. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1978. 294 с.
9. Сепир Э. Язык и среда: избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Наука, 1993. С. 270–284.
10. Кобенко Ю. В. Язык и среда: перспективы среднего подхода в лингвистике // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. Вып. 2 (16). С. 32–44.
11. Gehlen A. Anthropologische Forschung. Zur Selbstbegegnung und Selbstentdeckung des Menschen. Hamburg: Rowohlt, 1961. 149 S.
12. Habermas J., Ehalt H. C., Körtner U. H. J., Kampits P. Biologie und Biotechnologie – Diskurse über eine Optimierung des Menschen. Wien: Picus, 2014. 71 s.
13. Савельев В. М. Церебральный сортинг. 2-е изд. М.: ВЕДИ, 2018. 256 с.
14. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М.: Наука, 1978. 216 с.
15. Debus F. Onomastik // Althaus H.P. u. a. (Hg.). Lexikon der Germanistischen Linguistik. 2. Aufl. Tübingen: LGL, 1980. S. 187–198.
16. Афанасьев В. Г. Мир живого: системность, эволюция и управление. М.: Изд-во политической литературы, 1986. 334 с.
17. Dawkins R. The Ancestor's Tale: A Pilgrimage to the Dawn of Life. London: Weidenfeld & Nicolson, 2005. 626 p.
18. Савельев С. В. Нищета мозга. М.: ВЕДИ, 2014. 192 с.
19. Кобенко Ю. В. Язык и среда. Опыт систематизации данных междисциплинарных исследований. Томск: Изд-во ТПУ, 2017. 214.
20. Deacon T. The symbolic species: the co-evolution of language and the brain. N. Y.: W. W. Norton & Company, 1998. 528 p.
21. Ольшанский И. Г., Гусева А. Е. Лексикология современного немецкого языка. М.: Академия, 2005. 416 с.
22. Schippan T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache: ein Studienbuch. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. 316 s.
23. Брандес М. П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка): учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1988. 127 с.
24. Klein W. Von Reichtum und Armut des deutschen Wortschatzes // Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung, Union der deutschen Akademien für Wissenschaften (Hg.). Reichtum und Armut der deutschen Sprache: Erster Bericht zur Lage der deutschen Sprache. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2013. S. 15–56.
25. Bischoff C. Selbstvertrauen. Die Kunst dein Ding zu machen. Pößneck: Ariston, 2014. 288 s.
26. Савицкий В. М., Доладова О. В. О противоречиях во взглядах на системность языка // Мир лингвистики и коммуникации: электронный науч. журн. 2017. № 1. С. 35–44.
27. Глухов А. А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма. М.: Изд-во ВШЭ, 2014. 584 с.
28. Конверский А. Е. Логика. М.: Изд-во МГУ, 2014. 336 с.
29. Кобенко Ю. В., Меремкулова Т. И. Галльские заимствования в современном немецком языке: структурно-системные и функционально-динамические особенности. Томск: Издательский дом Томского гос. ун-та, 2018. 192 с.
30. Тузова В. Э., Кобенко Ю. В. Ономазиологическое наполнение корпуса томских реалионимов в транслятологической перспективе // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 10. С. 132–135.
31. Кобенко Ю. В. Язык и культура в русле среднего подхода // Язык и культура. 2018. № 41. С. 139–152.

Кобенко Юрий Викторович, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050). E-mail: serpentis@list.ru

Солодовникова Ольга Владимировна, кандидат философских наук, доцент, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050). E-mail: sol@tpu.ru

Материал поступил в редакцию 18.02.2019.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-66-76

SEGMENTATION OF GERMAN LITERARY LANGUAGE STOCK THROUGH THE PRISM OF THE ENVIRONMENTAL APPROACH

Yu. V. Kobenko¹, O. V. Solodovnikova²

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The practice of segmentation of vocabulary is traditionally based either on a certain (situational) set of criteria for this procedure, or on a larger methodological basis for example the apparatus of a separate linguistic discipline, which often defaults to lexicology as a science about the lexical structure of the language. Being limited to the object of observation, lexicology is hardly capable of independently solving the question posed for the entire linguistic science or, at least, for such a macroscopic discipline as stylistics that urgently needs a reliable criteria base, despite their various functional specialization: stylistics studies the expressive, whereas lexicology the nominative function of language.

The aim of the paper is to propose segmentation of the vocabulary fund of the German literary language through the prism of the environmental approach.

Material and methods. The implementation of the epistemological (rational-empirical) framework of the environmental approach, which far exceeds not only the limits of the science of language, but also humanitarian knowledge in general, is determined by the specifics of being and development of the language itself as an anthropological phenomenon (*loquens*), erroneously attributed by poststructuralists exclusively to man. The basis of the environmental approach is the thesis about the environmental origin of the human language and the impossibility of its existence outside the Herder environment. Language exists in the “nutrient solution” of culture and acts as a connecting element of the social interaction of all individuals inhabiting this artificial world. The environmental approach is a capacious epistemological platform that is used to account for the various functional varieties of the language that serve as the basis for its vocabulary segmentation.

Results and discussion. The following criteria have been developed for more weighted and general linguistic segmentation of a vocabulary on the example of the German literary language: a) selectivity, b) naturalness, c) reproducibility, d) temporality, e) age. The lexical system of the German language is taken as a model not by chance: the hybrid nature of this language idiom and the high heterogeneity (hybridity) of its resources correlating with it are an advantageous dialectical field of observing the phenomenon of a lexical system functional stratification. The apparatus of the environmental approach is formed by extensive interdisciplinary data that have become commonplace clichés in scientific use and help to obtain interdisciplinary meaningful and objective segmentation of the German literary language vocabulary. The scientific novelty is determined by the implementation of a fundamentally new set of criteria for identifying the components of the vocabulary system of the specified language based on the enlarged epistemological basis of the analysis.

Conclusion. The proposed segmentation is intended to expand the boundaries of the lexicology apparatus of the German language, the ideas about the heterogeneity of its lexical system and its evolutionary laws. The data obtained can be used as a material for theoretical courses in lexicology and stylistics when training specialists in the field of German linguistics at all educational levels.

Keywords: *German literary language, vocabulary, segmentation, heterogeneity, strata, environmental approach.*

References

1. Vinogradov V. A., Koval' A. I., Parkhomovskiy V. Ya. *Sotsiolingvisticheskaya tipologiya* [Sociolinguistic typology]. 4th ed. Moscow, URSS Publ., 2014. 136 p. (in Russian).
2. Nübling D. *Historical linguistics of German: An introduction to the principles of language change*. 3d ed. Tübingen: Gunter Narr Publ., 2010. 291 p.
3. Munske H. H. Is German a mixed language? On the position of foreign words in the German language system. Munske H.H. u. a. (ed.). *German language stock. Lexicological Studies*. Festschrift L. E. Schmitt. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1988. P. 46–74.
4. Vinogradov S. N., Kuz'min A. F. *Logika: uchebnik sredney shkoly* [Logics: high school textbook]. 8th ed. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1954. 176 p. (in Russian).
5. Falk D. Hominid paleoneurology. *Annual Review of Anthropology*, 1987, no. 16, pp. 13–30.
6. Burroughs W.S. *The Adding Machine: Selected Essays*. New York: Arcade Publishing, 1993. 216 p.
7. Savel'yev S. V. *Morfologiya soznaniya: v 2kh tomakh. T. 1* [The morphology of consciousness: in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, VEDI Publ., 2018. 208 p. (in Russian).
8. Solntsev V. M. *Yazyk kak sistemno-strukturnoye obrazovaniye* [Language as a system-structural formation]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 294 p. (in Russian).
9. Sapir E. *Yazyk i sreda: izbrannyye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii* [Language and environment: selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow, Nauka Publ., 1993. Pp. 270–284 (in Russian).
10. Kobenko Yu.V. *Yazyk i sreda: perspektivy sredovogo podkhoda v lingvistike* [Language and environment: prospect of environmental approach to language studies]. *Tomskiy zhurnal lingvistiki i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2017, vol. 2(16), pp. 32–44 (in Russian).

11. Gehlen A. *Anthropological research. To the self-encounter and self-discovery of man*. Hamburg: Rowohlt Publ., 1961. 149 p.
12. Habermas J., Ehalt H.C., Körtner U.H.J., Kampits P. *Biology and biotechnology – discourses on the optimization of man*. Wien: Picus Publ., 2014. 71 p.
13. Savel'yev S. V. *Tserebral'nyy sorting* [Cerebral sorting]. 2d ed. Moscow, VEDI Publ., 2018. 256 p. (in Russian).
14. Shveytser A. D., Nikol'skiy L. B. *Vvedeniye v sotsiolingvistiku* [Introduction to sociolinguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 216 p. (in Russian).
15. Debus F. Onomastics. Althaus H. P. u. a. (ed.). *Lexicon of German linguistics*. 2d ed. Tübingen: LGL Publ., 1980. Pp. 187–198.
16. Afanas'yev V. G. *Mir zhivogo: sistemnost', evolyutsiya i upravleniye* [The world of the living: systematic, evolution and management]. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury Publ., 1986. 334 p. (in Russian).
17. Dawkins R. *The Ancestor's Tale: A Pilgrimage to the Dawn of Life*. London: Weidenfeld & Nicolson, 2005. 626 p.
18. Savel'yev S. V. *Nishcheta mozga* [Brain poverty]. Moscow, VEDI Publ., 2014. 192 p. (in Russian).
19. Kobenko Yu. V. *Yazyk i sreda. Opyt sistematizatsii dannykh mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Language and environment. Experience in the systematization of interdisciplinary research data]. Tomsk, TPU Publ., 2017. 214 p. (in Russian).
20. Deacon T. *The symbolic species: the co-evolution of language and the brain*. New York: W.W. Norton & Company, 1998. 528 p.
21. Ol'shanskiy I. G., Guseva A. E. *Leksikologiya sovremennogo nemetskogo yazyka* [Lexicology of modern German]. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 416 p. (in Russian).
22. Schippan T. *Lexicology of German contemporary language: a study book*. Tübingen: Max Niemeyer Publ., 1992. 316 p.
23. Brandes M. P. *Stil' i perevod (na materiale nemetskogo yazyka): uchebnoye posobiye* [Style and translation (on the material of the German language): study guide]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988. 127 p. (in Russian).
24. Klein W. Of wealth and poverty of the German vocabulary. *German Academy of Language and Literature, Union of German Academies of Sciences* (ed.). *Wealth and Poverty of the German Language: First Report on the Situation of the German Language*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2013. p. 15–56.
25. Bischoff C. *Self-confidence. The art of doing your thing*. Pößneck: Ariston Publ., 2014. 288 p.
26. Savitskiy V. M., Doladova O. V. O protivorechiyakh vo vzglyadakh na sistemnost' yazyka [On the contradictions in views on the systematic language]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal – World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*, 2017, no. 1, pp. 35–44 (in Russian).
27. Glukhov A. A. *Perekhlest volny. Politicheskaya logika Platona i postnitssheanskoye preodoleniye platonizma* [Overlapping waves. The political logic of Plato and the Postnitsshean overcoming of Platonism]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2014. 584 p. (in Russian).
28. Konverskiy A. E. *Logika* [Logics]. Moscow, MSU Publ., 2014. 336 p. (in Russian).
29. Kobenko Yu. V., Meremkulova T. I. *Gall'skiye zaimstvovaniya v sovremennom nemetskom yazyke: strukturno-sistemnyye i funktsional'no-dinamicheskiye osobennosti* [Galic borrowings in the modern German language: structural-system and functional-dynamic features]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2018. 192 p. (in Russian).
30. Tuzova V. E., Kobenko Yu. V. Onomasiologicheskoye napolneniye korpusa tomskikh realionimov v translyatologicheskoy perspektive [Onomasiological approach to analyze corpora of Tomsk realionims in translational perspective]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2017, vol. 10, pp. 132–135 (in Russian).
31. Kobenko Yu. V. *Yazyk i kul'tura v rusle sredovogo podkhoda* [Language and culture within the environmental approach]. *Yazyk i kul'tura – Language & Culture*, 2018, no. 41, pp. 139–152 (in Russian).

Kobenko Yu. V., National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36 Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: serpentis@list.ru

Solodovnikova O. V., National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: sol@tpu.ru